

УДК 930.23

**ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ВИЗУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
ТАТАРСКОГО БУКВАРЯ 40–50-х ГОДОВ XX ВЕКА****Д.М. Галиуллина, А.А. Сальникова***Аннотация**

Появление нового поколения татарских букварей в середине XX столетия было обусловлено общей тенденцией к стандартизации и унификации учебников, переводом татарского алфавита на кириллицу, а также теми социально-политическими условиями, которые сложились в позднесталинской России и в период оттепели и ликвидации последствий сталинизма. Предметом анализа в статье стали вербальные и визуальные тексты букварей М.Х. Курбангалиева и Г.Г. Сайфуллина, являвшихся в то время единственными изданиями татарского букваря для детей. Особое внимание уделено процессу дальнейшего осовечивания элифбы и проблеме преемственности и разрыва в татарской советской букварной традиции.

Ключевые слова: татарский букварь (элифба), графическая революция, унификация, стандартизация, образовательные и воспитательные практики, исторический источник.

Конец 30-х годов XX столетия ознаменовался для татарского языка, национальной системы образования и книгоиздательской сферы событием революционного характера – заменой латинской графики на кириллицу (см. [1–3]). Введение алфавита на основе «русской» графики обосновывалось стремлением «удовлетворить многочисленные ходатайства трудящихся татар, рабочих, колхозников, интеллигенции» [3, с. 200]. Кроме того, цели воспитания населения в героико-патриотическом духе, повсеместный поиск врага – истинного и мнимого, необходимость постоянной борьбы с капиталистическим окружением и стремление к изоляции советского человека от «тлетворного влияния Запада» придавали кириллице исключительную значимость в деле идеологической пропаганды (см. [4]).

Татарское население вновь нужно было переучивать. Изданные за предшествовавшее десятилетие тысячи учебников, в том числе и букварей на латинице, оказались ненужными. Согласно Указу Президиума Верховного Совета ТАССР от 5 мая 1939 г., обучение на основе нового алфавита в школах, техникумах и высших учебных заведениях должно было начаться в 1939/40 уч. г. [5, с. 554]. Курсы для взрослых открывались 1 сентября 1939 г. Периодическая печать и учреждения переходили на новую графику с 1 января 1940 г.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0955 по теме «Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.)», а также РГНФ, (проекты № 11-06-00275а, 13-06-00038а).

Следует заметить, что первый татарский букварь на кириллице был издан ещё в 1862 г. в Санкт-Петербурге и предназначался он для крещёных татар. Создателем букваря являлся Н.И. Ильминский. Через два года, в 1864 г., букварь переиздали с поправками, а затем вплоть до 1917 г. он выдержал ещё 19 переизданий. Внесённые поправки касались, в частности, введения букв, отсутствовавших в русском алфавите, но необходимых для передачи фонетических особенностей татарского языка. В первом издании букваря появилась одна дополнительная буква – *ң* – для обозначения носового *н*, во втором под специфические звуки татарского языка *ә*, *ү*, *ө* были приспособлены такие буквы русского алфавита, как *ä*, *ÿ*, *ö* [6, с. 12–14; 7]. Букварь активно использовался для обучения грамоте в Казанской центральной крещёно-татарской школе, открытой в 1864 г.

Николая Ильминского, таким образом, по праву можно считать создателем первой кириллической азбуки татарского языка [8], которой кряшены продолжали пользоваться и в советское время до введения яналифа.

«Графическая» революция 1939 г. вновь заставила вспомнить об алфавите Н.И. Ильминского и о возможности приспособления к татарскому языку «русского письма». Однако проходившие в тот период в Татарии дискуссии касались не столько возможности применения кириллицы в принципе, сколько введения в татарский алфавит дополнительных букв [9, б. 108–109]. Опубликованный в 1938 г. проект татарского алфавита на основе кириллицы, подготовленный М.А. Фазлуллиным, включал в себя только буквы русского алфавита. В 1939 г. были обнародованы ещё два проекта – М.Х. Курбангалиева и Ш.А. Рамазанова. Первый проект предлагал ввести в татарский алфавит шесть дополнительных букв: *ә*, *ө*, *ү*, *жс*, *ң*, *һ*. Второй формулировал основные орфографические правила литературного татарского языка. Именно эти проекты и легли в основу сформированной тогда кириллической татарской письменности [9, б. 112–113].

Татарский букварь на кириллице изначально был унифицирован, что объяснялось возобладавшей тогда тенденцией к стандартизации учебных изданий, зато выходили эти буквари массовыми тиражами. Круг реальных и потенциальных авторов «Элифбы» был весьма ограничен: составителями букварей стали те, кто писал учебники ещё для джадидских мектебов, а позднее – буквари на арабской графике и латинице для советских школ, те, кто избежал репрессий, а таковых было немного. Первым татарским букварём на кириллице, изданным в 1939 г., стал букварь М.Х. Курбангалиева. Этот учебник использовался в школах Советской Татарии вплоть до выхода в 1946 г. «Элифбы» Г.Г. Сайфуллина.

В целом букварь на кириллице лишь незначительно отличался от предшествовавшей ему «Элифбы» М. Курбангалиева и Х. Бадиги на латинской графике, впервые опубликованной в 1933 г. После ареста Х. Бадиги в 1938 г. как участника «буржуазно-националистической организации “Идель–Урал”» имя его исчезло с обложки букваря – осталось лишь имя соавтора. После смерти М. Курбангалиева в апреле 1941 г. и до конца Великой Отечественной войны выходили посмертные издания букваря под редакцией Д. Сафина.

Издатели, конечно же, хотели бы сделать этот учебник внешне привлекательным – ярким и цветным, но художественно-полиграфические возможности предвоенного и военного времени не позволяли этого. Однако сочетание контрастных

зелёного и коричневого цветов на обложке всё же несколько украсило и оживило издание.

На протяжении 1939–1941 гг. содержание и оформление букваря оставалось практически неизменным. На третьей странице, открывающей учебник, изображена молодая женщина, собирающая детей в школу. Этот рисунок прямо заимствован из букваря М. Курбангалиева на латинской графике [10, б. 3]. Комната, в которой разворачивается действие, хорошо обставлена, что свидетельствует о высоком достатке семьи. Стены оклеены красивыми обоями, на полу постелен добротный ковёр, на видном месте стоят этажерка с книгами и часы. На стене висят портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина. Это – новый, советский комфорт, приправленный «нужными» идеологическими символами. Модная и добротная одежда матери и детей вполне соответствуют убранству комнаты. Женщина с короткой стрижкой одета по-домашнему просто, но изящно. В соответствии с советской детской модой того времени, во многом повторявшей взрослые тренды, одеты и дети: на девочке приталенное пальто с поясом и глубоко заложженной складкой на спине, плиссированная юбка; мальчик в массивном, но коротком пальто в стиле милитари с расширенным плечевым поясом, накладными карманами и отложным воротником, в укороченных брюках до колен [11, 1939, б. 3].

Такой рисунок, свидетельствующий об обретенных советскими людьми достатке и комфорте, в букваре был не единственным. На другом изображена семья из шести человек всё в том же домашнем интерьере. Мягкое кресло, большой ковёр, «французские» шторы с бахромой на окнах, тяжёлая скатерть, высокий фикус в горшке, на стенах картины – от всего этого веяло поистине буржуазным достатком. Глава семьи читает газету, младшие дети играют. У мальчика большой паровоз. Его младшая сестра, одетая в нарядное платье, держит обруч в руке и наблюдает за ним. Остальные члены семьи спокойно беседуют. У матери на руке часы, вырез платья украшен необычайно популярной тогда брошью. Ношение этого аксессуара считалось в те времена невообразимым шиком: столь модную на Западе бижутерию в СССР достать было практически невозможно, а украшения из золота и драгоценностей после массовых изъятий и конфискации 20-х годов являлись большой редкостью. Стоит заметить, что на картинке, по утверждению авторов букваря, изображена простая советская татарская семья, о чём свидетельствует сопроводительный текст: «Отец и дядя Ильяс работают на заводе. Мама работает на фабрике. Гюльюземапа – учительница» [11, 1939, б. 61].

Представления об идеальном советском быте воплотились в этих иллюстрациях во всей полноте: вместе с «обуржуазиванием» новой элиты в советской стране отныне начинают цениться прежние, буржуазные ценности, в частности традиционные элементы буржуазного интерьера и красивая модная одежда. Хорошо обставленная квартира, нарядные платья, украшения, красивые и качественные детские игрушки должны были свидетельствовать о неуклонном росте благосостояния советского народа как результате постоянной заботы партии и правительства о советских гражданах – больших и маленьких. Впрочем, реальные бытовые условия большинства жителей Советской Татарии в то время действительно отличались от таких «красивых картинок» (о том, каким на самом деле

был интерьер большинства казанских квартир и домов и как одевались казанцы в предвоенные годы, см. [12, с. 198–208, 317–320]).

Приукрашенным выглядело на страницах букваря и новое публичное пространство: красивые благоустроенные школы и детские сады, советские города и сёла [11, 1939, б. 9, 13, 17, 27, 28, 49 и др.]. И эти достижения советского строя было кому защитить. Тема защиты Родины от внешнего врага, конечно же, присутствовала в этом букваре, хотя и не являлась его доминантой. Открывал «военный» раздел букваря текст «Климент Ефремович Ворошилов», в котором говорилось: «У нас есть сильная Красная Армия. Она хорошо вооружена. Ею руководит наш дорогой маршал Климент Ефремович Ворошилов. Если фашисты, капиталисты нападут на нас из-за границы, мы сможем дать им решительный отпор. Откуда бы враг ни напал на нас, мы разгромим его на его же территории». И далее: «Мы не хотим войны. Мы боремся за мир. Но если фашисты угрожают покою нашей страны, СССР со своей стороны готовится к войне. Мы должны быть готовы дать им сокрушительный отпор. Мы всеми силами готовы защищать свою великую Родину» [11, 1939, б. 96]. Если в букваре 1941 г., подписанном в печать ещё в ноябре 1940 г., заявление о разгроме врага на его собственной территории сохранялось [11, 1941, б. 100], то из издания 1942 г. оно было изъято, как и весь этот амбициозно-патриотический текст.

Памятуя о желании всех мальчишек предвоенной поры стать лётчиками и о том восхищении, какое вызывали у них «сталинские соколы», автор букваря 1939 г. включает в него текст о лётчике Ильдусе, который «хорошо учился в школе. На переменах между уроками играл в военные игры. После окончания средней школы он поступил в летную школу. Он сейчас летает на самолете. Он защищает страну от врагов» [11, 1939, б. 96]. Стихотворение «Красная армия», сопровождаемое изображением красноармейца в будёновке и с винтовкой, по всей видимости, призвано было подчеркнуть готовность армии защитить страну. А в стихотворении «Песня матери», написанном в форме колыбельной, заложена однозначно прочитываемая установка на будущее: «Вырастешь и пойдешь защищать границы нашей страны» [11, 1939, б. 97].

Начиная с 1942 г. содержание букваря перестраивается на новый, военный лад. На страницах учебника зримо и незримо присутствует образ фашиста – главного врага советского народа, которого любой ценой нужно уничтожить [11, 1942, б. 60]. В тексте об Октябрьском празднике, наряду с уже присутствовавшими в букваре 1939 г. лозунгами: «Да здравствует Октябрь во всем мире!», «Да здравствует наш великий наставник товарищ Сталин!», «Да здравствует непобедимая Красная Армия!», появляется лозунг «Долой фашизм!» [11, 1942, б. 67]. В учебник также включаются изображения военной техники (танка, самолёта) и оружия (винтовки, гранаты, бутылки с зажигательной смесью, пулемёта), кроме того, дано изображение красноармейца в каске и противогазе с винтовкой старого образца [11, 1942, б. 85]. Лишь в 1945 г. в издании появляется текст «Помощь фронту». Однако речь в нём идёт не о сборе тёплых вещей или продовольствия, что стало уже привычной обязанностью детей и взрослых. Мальчик Фарид решил помочь фронту по-другому. Он вырастил щенка Сорыбая, выдрессировал его. Школьный военком отправляет собаку на фронт. С фронта приходит письмо: «Сорыбай многих спас от смерти. Фариду большое спасибо» [11, 1945, б. 93].

Пропаганда здорового образа жизни, физкультуры и спорта также обосновывалась потребностями военного времени. В букваре, по существу, отсутствует описание каких-либо иных игр и развлечений детей, кроме зимних. Так, хорошая лыжная подготовка необходима была для воинов – нынешних и будущих, в особенности для разведчиков: «Мы учимся ходить на лыжах, чтобы потом помогать защищать Родину»; «...По берегу реки идут разведчики в белых халатах. Это наши отцы. Мы, как и они, научимся хорошо ходить на лыжах» [11, 1944, б. 89, 92].

Значительное место в букваре М. Курбангалиева занимали тексты о лидерах коммунистической партии и вождях советского народа с их портретными изображениями. Среди многочисленных текстов о В.И. Ленине и И.В. Сталине есть, например, традиционный для того времени текст о Мамлакат Наханговой – таджикской девочке, героине труда и рационализаторе, начавшей «собирать хлопок двумя руками», собравшей «больше всех» хлопка и награждённой за это орденом Ленина и часами лично товарищем Сталиным. При этом Мамлакат – обычная девочка, она учится в школе, стала отличницей. Текст сопровождается известным рисунком – Сталин обнимает Мамлакат [11, 1939, б. 92]. Прагматическая установка здесь очевидна: и ты, юный друг, можешь стать советским героем и получить не менее высокую награду из рук самого Сталина. Образ товарища Сталина – «лучшего друга советских детей» – становится в этот период культовым образом советского букваря.

Наградой за успехи в учёбе и труде могла быть поездка в Артек. Одним из «счастливиц», удостоившихся этой награды, стал Марат. Ему удалось встретиться в Артеке с самим В.М. Молотовым, который беседовал с детьми, шутил и даже погладил Марата по голове. Узнав об этом, маленький брат Марата воскликнул: «Какой он счастливый, мой брат Марат!» [11, 1939, б. 95]. Таким образом, счастье заключается даже не в том, чтобы поехать в Артек, а в том, чтобы получить личное одобрение и похвалу от советского партийного лидера.

Национальная тематика в букваре была представлена очень слабо, зато в условиях перекодирования общественного сознания с учётом известного сталинского определения советских национальных культур всё большее место в нём стали занимать тексты о дружбе народов. Знаковым является текст о дружбе народов Советской Татарии: «В Татарстане¹ татары, русские, чувашы, марийцы и другие народы живут по-родственному дружно. Дети русских, татар, чуваш, марийцев и других трудящихся – товарищи и друзья». Завершало текст следующее четверостишие:

Да здравствует Страна Советов!
Да здравствует красное знамя!
Нашему вождю Сталину
От нас пламенный привет! [11, 1939, б. 81].

В «Элифбе» 1937 г. у текста было продолжение: «Среди развитых стран есть одна страна, которая называется Татарстаном» [13, б. 74]. Не удивительно, что это предложение потом исчезло: помня о трагической участи, постигшей

¹ В татарском языке термин «Татария» не употреблялся.

его соавтора, М. Курбангалиев был вынужден остерегаться обвинений в национализме и сепаратизме.

В 1946 г. на смену «Элифбе» М. Курбангалиева пришёл татарский советский букварь Г.Г. Сайфуллина, мало чем отличавшийся от других советских учебников такого типа. С 1946 до 1965 г. этот букварь выдержал 19 практически ежегодных переизданий. После смерти Г. Сайфуллина в 1951 г. работу по переработке издания выполняла талантливый методист М. Галлямова [14, б. 178–187].

В первые три года издания «Элифба» Г. Сайфуллина во многом воспроизводила тенденции, заложенные ранее в учебнике М. Курбангалиева. Тексты и рисунки букваря были простыми, обложка – неброской. Несмотря на обилие иллюстраций с изображением сельского быта, учебник был ориентирован не только на сельскую, но и на городскую школу. Об этом свидетельствовала, в частности, обложка букваря и рисунок, изображающий урок, на котором в классе за партами сидят одни только девочки [15, 1946, б. 4]. Этот рисунок – своеобразное отражение принятого в 1943 г. решения о раздельном обучении мальчиков и девочек в семилетних и средних школах Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик, областных и краевых центров и ряда крупных промышленных городов СССР.

Необходимо при этом отметить, что этнокомпонент в «Элифбе» Г. Сайфуллина был представлен гораздо ярче, нежели в «Элифбе» М. Курбангалиева. В изображениях многих героев учебника, особенно жителей села, использованы элементы национального костюма, чётко прослеживаются этнотипические черты. Сюда впервые был включён текст о Каюме Насыри [15, 1946, б. 91].

В связи с тем, что букварь этот появился в первый послевоенный год, значительное место занимала в нём военно-патриотическая тематика, причём это был уже не букварь сражающегося народа, а букварь народа-победителя. Чувство гордости за свою страну воспитывалось не только через рассказы о героической Красной Армии, но и через близкий, родной и понятный образ отца-героя. Это смелый, отважный командир, награждённый за свои боевые подвиги орденами и медалями. Он разбил врага и пришёл с победой. И пусть на самом деле домой вернулись далеко не все, этот образ воплощал надежду многих осиротевших в годы войны мальчишек и девчонок.

Впервые за многие годы существования татарского букваря в качестве главного «взрослого» персонажа в жизни детей выступал отец. «Мой папа – капитан. Он сражался против фашистов. Фашисты были разгромлены. Папа вернулся домой. На его груди сверкают ордена и медали. Он – герой-командир» [15, 1946, б. 119].

Ещё одним примечательным отличием букваря Г. Сайфуллина стало большое количество упоминаний и изображений игрушек и других атрибутов детских игр и забав. Кукла, мишка, лошадка на колесиках, шарики, обруч, мяч, коньки, барабан, санки, погремушка, качели, лото, лыжи, наряженная ёлка, игрушечный паровоз не раз и не два встречались на страницах «Элифбы». Был здесь даже целый магазин игрушек, с полками и прилавком, уставленными ими [15, 1946, б. 13]. И хотя в действительности лёгкая промышленность и промысловая кооперация, на долю которой приходилось наибольшее количество производимой в СССР игрушечной продукции, пребывала в этот период в состоянии упадка,

а ассортимент игрушек был крайне ограниченным (см. подробнее [16, с. 125–127]), автор учебника не ошибся в одном – для 7-летнего ребёнка той поры привлекательным было даже простое изображение игрушки на страницах букваря.

Игра всегда занимала одно из важнейших мест в жизни ребёнка, а игра «в войну», в «своих» и «чужих» традиционно являлась одной из любимых детских игр. В военное и послевоенное время на смену игре в Чапаева, в белых и красных пришла игра в наших и фашистов. Букварь отразил эти изменения в игровой культуре детей, когда в играх появился образ недавнего реального врага и возможность «отомстить» ему за утраченное детство.

Булат играет. Он красноармеец, а медведь – фашист.
– Вперед за Родину, ура! А... вот где спрятался враг!
Он направил клинок на медведя.
Кровь за кровь!
Смерть за смерть!
Отомстил я
Фашистам сегодня! [15, 1946, б. 125].

Хотя роль врага в таких играх обычно доставалась игрушкам, сам по себе текст довольно жесток, особенно когда видишь на сопровождающей его иллюстрации беззащитного маленького медвежонка с палочкой в лапе, которого атакует храбрый Булат. Психологически тяжёлое впечатление даже на взрослого человека производит и рисунок «Пожар»: деревенская изба пылает, хозяйка и её маленький сын в ужасе простёрли к ней руки, мужчины выносят из горящей избы мешки с вещами, соседи с ведрами воды спешат на помощь [15, 1946, б. 115]. Подобные тексты могло породить лишь травмированное войной сознание.

Однако, пожалуй, самым страшным персонажем букваря является некая женщина, показывающая, как правильно произносить отдельные звуки: черты лица её невероятно искажены, гримасы зачастую отвратительны. Благое желание автора учебника научить ребёнка правильному произношению вполне объяснимо, но образ учительницы получился отталкивающим [15, 1946, б. 11, 12, 15, 19, 42 и др.].

В 50-е годы «Элифба» Г. Сайфуллина изменяется кардинальным образом и внутренне, и внешне. С 1953 г. букварь становится цветным. В сторону увеличения изменяется формат издания, что даёт возможность развернуться художникам: в 1953 г. вопрос о необходимости изменения формата детских книг был поставлен на производственном совещании художников Татарии [17, с. 59]. С этого времени имена художников стали включать в выходные данные букваря. В разные годы над иллюстрациями к татарскому букварю работали такие известные художники-графики, как Б. Альменов, С. Кульбака, И. Язынин. Таким образом, отныне в учебник попадали не случайные рисунки, а иллюстрации, разработанные специально для детей в образовательных целях.

В рассматриваемый период существенно изменяется и ситуация с национальным образованием в ТАССР, что также не могло не сказаться на направленности и содержании татарского букваря. В республике начинается постепенное сокращение числа татарских школ через перевод их на русский язык обучения. Если в 1947/48 уч. г. в ТАССР на родном языке обучалось 95% детей-татар, то в 1957/58 – уже 70%, а в Казани всего 16.8%. В 1950–1958 гг. количество татарских

школ в республике уменьшилось на 13% (с 1741 до 1515), учащихся – на 35.6% (со 197 тыс. до 127 тыс. человек) [18, с. 101–102].

Закон 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», предусматривавший введение обязательного 8-летнего обучения, ещё более усугубил ситуацию, поскольку предоставил родителям право выбора школы с целью защиты детей «от языковых перегрузок» [19]. Это привело к массовому превращению татарских школ в обычные русские школы с изучением татарского языка как дополнительного предмета. В 1958–1967 гг. число татарских школ сократилось ещё на 7.6% (с 1515 до 1400), а к середине 60-х годов в Казани осталось всего пять татарских школ, две из них – восьмилетки [18, с. 102]. Курс на создание новой исторической общности – советского народа – сопровождался властными практиками, направленными на формирование единого этнокультурного и образовательного пространства.

В 50-е годы фактически были приостановлены разработка и издание новых учебников для национальных школ, в том числе букварей. Татарские дети продолжали в это время обучаться по «Элифбе» Г. Сайфуллина, которая всё в большей мере становилась ориентированной на сельскую школу. Так, издание 1953 г. по-прежнему открывал рисунок с изображением матери, провожающей детей в школу, очень напоминающий аналогичный рисунок из учебника М. Курбангадиева [11, 1939, б. 3]. Однако убранство комнаты, как, впрочем, и находящиеся в ней персонажи, резко изменяется. Женщина прощается с детьми уже не в городской квартире, а в уютном деревенском доме с простой обстановкой [15, 1953, б. 3]. Со стены исчезают портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина. Единственными украшениями помещения являются самовар на столе (вместо прежнего чайника) и часы с маятником и гирей (вместо прежнего будильника). Девочка приоткрывает дверь в прихожую, откуда видна вторая дверь, открытая настежь прямо на улицу. Мать одета просто, в повседневное платье, на голове – платок. Девочка в школьной форме с белым фартуком, на шее – пионерский галстук. На мальчике формы нет, что вполне соответствует реалиям времени. Хотя советская школьная форма была введена в 1935 г., в первой половине 50-х для мальчиков она ещё не стала обязательным атрибутом школьной повседневности, тем более на селе.

Девочки действительно стали носить школьную форму раньше мальчиков. Любопытно, что в «Элифбе» 50-х годов девочки часто изображались в школьной форме и дома, и на школьных праздниках, например на новогодней ёлке [15, 1953, б. 36, 104, 111]. Причина заключалась, видимо, не только в настойчивом желании создателей букваря пропагандировать новый вид школьной одежды, но и в реальной ситуации, сложившейся на советском потребительском рынке в те годы, когда нарядная одежда, в особенности детская, была в большом дефиците, да и семейный бюджет нередко был невелик и не позволял её приобрести. Подчас школьная форма с белым фартуком была у девочки самым лучшим, самым красивым платьем – отсюда и использование её в праздничной обстановке. Со второй половины 50-х годов мальчики также постоянно изображаются в «Элифбе» в школьной форме так называемого старого образца, повторяющей прежнюю гимназическую, и в школе, и дома, и на пришкольном участке [15, 1959, б. 3, 13, 41, 53 и др.].

Изменился в букваре рисунок, изображающий досуг и вещно-предметный мир татарской советской семьи. Он стал более реалистичным и вполне соответствующим эстетическим канонам и потребительским идеалам своего времени. Теперь на видном месте в комнате стоял не только горшок с фикусом, но и радиоприёмник [15, 1953, б. 111]. Наблюдается в букваре и постепенное изменение семейных ролей. Если до начала 50-х годов роли эти сугубо патриархальны (отец читает газету, дети играют сами или находятся рядом с матерью), то в букваре 1953 г. мы уже видим отца, читающего книгу девочке [15, 1949, б. 111]. Впрочем, отцов, находящихся рядом с детьми, в «Элифбе» по-прежнему мало – воспитанием детей в основном занимаются матери.

Распределение семейных ролей отражала и одежда взрослых. Мужчина даже в домашних условиях изображался в костюме и галстук, что подчёркивало высокий социальный статус этого персонажа, женщина, в том числе работающая («мама на фабрике работает»), представляла на рисунках в простой домашней одежде, в фартуке или накинутой на плечи шали [15, 1953, б. 111; 1959, б. 32].

Постепенно из букваря стало исчезать изображение большой семьи и распространилось изображение семьи нуклеарной, малодетной. Так, в учебнике 1959 г. мать сидит на диване вместе с двумя маленькими детьми. На другой странице букваря изображена семья из трёх человек – отец, мать, дочь [15, 1959, б. 20, 32]. Такие персонажи, как бабушка и дедушка, совсем были изъяты из букваря, тогда как в понимании авторов джадидских и раннесоветских татарских букварей на арабской графике нормальная татарская семья должна была состоять из представителей трёх поколений. Возврат к такому традиционному пониманию семьи можно увидеть лишь в «Элифбе» Р.Г. Валитовой и С.Г. Вагизова 1965 г. [20, 1965, б. 78].

На протяжении второй половины 40-х – первой половины 50-х годов XX столетия в букваре сохранялись тексты о В.И. Ленине и И.В. Сталине. Последнее упоминание о Сталине встречается в издании 1955 г. [15, 1955, б. 123]. Обязательным становится с середины 40-х годов текст о Москве – «столице нашей Родины», месте, где живёт И.В. Сталин и где находится мавзолей В.И. Ленина [15, 1946, б. 134; 1953, б. 126; 1959, б. 97 и др.]. Скрытый советский патриотический подтекст содержали также внешне нейтральные тексты о природе, о колхозах и совхозах, заводах и фабриках.

Хотя татарские буквари 40–50-х годов представляли собой типичные советские учебники с определённым набором идеологически правильных текстов и рисунков, свою главную функцию – научить татарских детей читать и писать на родном языке – они выполняли.

Summary

D.M. Galiullina, A.A. Salnikova. Subject Scope and Visual Content of a Tatar Primer in the 1940s and 1950s.

The appearance of a new generation of Tatar primers in the 1940s and 1950s was conditioned by the general tendency towards standardization and unification of textbooks, the conversion of the Tatar language to the Cyrillic alphabet, and the socio-political conditions which emerged in the late Stalinist Russia and during the period of *thaw* and liquidation of the consequences of Stalinism in the USSR. The analysis focuses on the verbal and visual texts of

two (coming one after the other) primers by M.Kh. Kurbangaliev and G.G. Saifullin, which were the only Tatar primers for children at that time. Special attention is given to the process of further Sovietization of *alifba* and to the problem of continuity and break-up in the Tatar Soviet primer tradition.

Keywords: Tatar primer (*alifba*), graphic revolution, unification, standardization, educational and upbringing practices, historical source.

Литература

1. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23269>, свободный.
2. Кириллица // Татарская энциклопедия: в 5 т. – Казань: Ин-т Тат. энцикл. АН РТ, 2006. – Т. 3: К–Л. – С. 298.
3. Языковая политика в Республике Татарстан: Документы и материалы (20–30-е гг.). – Казань: Магариф, 1998. – 207 с.
4. Сальникова А.А., Галиуллина Д.М. «Считая вопрос разрешенным...» // Проблемы современного образования. – 2012. – № 5. – С. 39–56.
5. Культурное строительство в Татарии, 1917–1941. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1971. – 672 с.
6. Ильминский Н.И. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. – Казань: Тип. ун-та, 1883. – 47 с.
7. Ильминского алфавит // Татарская энциклопедия: в 5 т. – Казань: Ин-т Тат. энцикл. АН РТ, 2005. – Т. 2: Г–Й. – С. 558.
8. Чичерина С.В. О приволжских инородцах и о современном значении системы Н.И. Ильминского: Докл. С.В. Чичериной, чит. в общ. собр. О-ва востоковедения. – СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1906. – 39 с.
9. Курбатов Х.Р. Татар әдәби теленең алфавит һәм орфография тарихы. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1999. – 139 б.
10. Qorbangälief M. Әlifba. – Kazan: Tatgosizdat, 1938. – 100 b.
11. Корбангалиев М.Х. Әлифба. – Казан: Татгосиздат, 1939–1945.
12. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX – XX веках. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 451 с.
13. Вәдигәф X., Qorbangälief M. Әlifba. – Kazan: Tatgosizdat, 1937. – 100 b.
14. Ибраһимов Ф. Белем әлифбадан башлана. – Казан: Мәгариф, 1994. – 265 б.
15. Сәйфуллин Г. Әлифба. – Казан: Татгосиздат, 1946–1964.
16. Сальникова А.А. История ёлочной игрушки, или Как наряжали советскую ёлку. – М.: Нов. лит. обозр., 2012. – 240 с.
17. Абдулхакова А.Р. Из истории искусства татарской советской детской книги // Библиотекословесие. – 2010. – № 3. – С. 56–60.
18. Шамсутдинов Д.З., Шайдуллин Р.В. Особенности развития татарской национальной школы в ТАССР в 50–60-е годы XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2012. – Т. 154, кн. 3. – С. 98–104.
19. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» от 24 декабря 1958 г. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=9934>, свободный.

20. *Валитова Р.Г., Вагыйзов С.Г.* Элифба. – Казан: Таткнигоиздат, 1965. – 100 б.

Поступила в редакцию
25.12.12

Галиуллина Диляра Магзумовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения и методов исторического исследования, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *galiullinadm@mail.ru*

Сальникова Алла Аркадьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и методов исторического исследования, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *Alla.Salnikova@ksu.ru*